

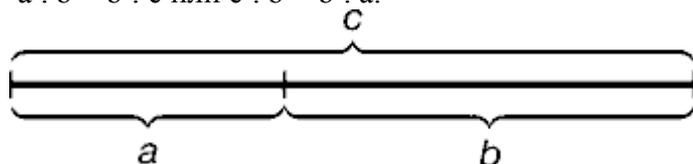
О ГАРМОНИИ МОЛИТВЕННОГО ТЕКСТА

Молитва мѣста не ищетъ
(русская пословица)

Гармонию измерить нельзя, но можно обнаружить и изучать конструктивные закономерности, которые лежат в основе всего, что мы называем красивым, гармоничным. Одной из таких закономерностей является «золотое сечение», или «божественная» пропорция.

Золотое сечение - это такое пропорциональное деление отрезка на неравные части, при котором весь отрезок так относится к большей части, как сама большая часть относится к меньшей; или другими словами, меньший отрезок так относится к большему, как больший ко всему:

$$a : b = b : c \text{ или } c : b = b : a.$$

«Золотое сечение» – мерило гармонии». Этот тезис не изобретение современного эстета. Древний Египет и Вавилон, Индия и Китай преклонялись перед «божественной» пропорцией. Великие греки: Пифагор, Евклид, Фидий – пытались проникнуть в мистическую суть «золотого сечения». А Аристотель нашел соответствие «золотого сечения» этическому закону. Леонардо да Винчи и Микеланджело подтверждали красоту человеческого тела или морской раковины принципом «божественной» пропорции. И не случайно сегодняшние программисты применяют новейшие технологии, чтобы рассчитать более точное значение этого числа - 1,6180339887...Зачем?

Принцип золотого сечения – высшее проявление структурного и функционального совершенства целого и его частей в искусстве, науке, технике и природе. Он применялся в первую очередь к форме. Форма, в основе построения которой лежат сочетание симметрии и золотого сечения, способствует наилучшему зрительному восприятию и появлению ощущения красоты и гармонии. Насколько применим этот принцип при анализе текста?

Оказывается, золотая пропорция обнаружена во всех областях художественного творчества и обычно совпадает с кульминацией произведения. Один из методов суггестивной лингвистики – метод вербальной мифологизации, который был предложен доктором филологических наук, профессором Ириной Черепановой, – имеет в качестве основополагающего принцип «золотого сечения» – совпадение «золотого сечения» текста с его смысловой кульминацией. При составлении текста политической речи, которая должна звучать убедительно, используется точно такой же подход.

Можно привести примеры применения принципа золотого сечения в филологическом исследовании художественного текста, как-то: С.Д. Куринная проанализировала таким образом немецкую литературную притчу, О.Н. Гринбаум показал применимость закона «золотого сечения» и динамических рядов Фибоначчи к русскому классическому стиху; В.Я. Мартыненко выполнил такое исследование частотности лексем в произведениях А.П. Чехова, И.А. Бунина.

В докладе сделана попытка найти рациональное подтверждение интуитивной вере человека в трансцендентные способности слова, показать, что одним из компонентов веры в слово, особенно, в слово молитвы, является логика и получить математическое тому доказательство.

В христианском катехизисе о молитве сказано так: «Молитва есть возношение ума и сердца Богу и является благоговейным словом человека к Богу». В современном русском языке *молитвой* называют «обращение с мольбой, просьбой, благодарностью к Богу, святым,

сопровожаемое чтением определенных текстов', 'установленный текст, произносимый верующим при обращении к Богу, к святым, а также при религиозных обрядах'. Слово *молитва* является производным глагола *молить*. Глагольность субстантива обусловлена не только формально, словообразовательной структурой, но и семантически. На всех исторических этапах сохраняется значение смиренного, усердного прошения, искреннего благодарения, предполагающего целеустремленную духовную энергию самого человека и осознающего ценность молитвы. В этом смысле показательны церковнославянские сочетания:

молитву творити, молитву дѣяти и контексты: Тъ родъ ничимъ же не можетъ изити тѣкъ(мо) молитвою и постѣмъ (Остр. Ев.); Молитва вышши есть вьсѣхъ добрынь; Молитва есть радость и благодарья прѣдлогъ, цѣленье же печали и грущенью; трѣбѣ оубо есть поставити оумъ въ врѣмя млтвѣное глоуха и нѣма, молитва бо бесѣда есть оумъ къ Богоу (Панд. Ант.); Аще инѣ молитвъ не оумѣете молвити, а «Господи, помилоуи» зовѣте беспрѣстане (Поуч. Влад. Мон.). Упование на благодатное слово молитвы очевидна и в русских пословицах: Кто в беде Бога не маливал?; Кто в море не бывал, досыта Богу не маливался.

Доминирующее на всех этапах значение просьбы некоторые лингвисты считают этимологическим, сближая *молить* с *молва* и *молвить*, что фонетически спорно. Согласно другой гипотезе, исходным значением глагола *молить* было 'делать мягким', на основе которого развивается семантика просьбы. В таком случае исторически здесь тот же корень, что в словах, *молоть*, *молодой*, и ассоциации мягкости, незрелости, нежности и слабости выглядят логично. Однако сомнения возникают, во-первых, при объяснении метатезы *modliti* < *molditi «табуистическими побуждениями», учитывая «религиозный характер этого слова» (М. Фасмер); а во-вторых, зафиксированным В.И. Далем русским диалектным материалом: *молить* 'резать, колоть животных по обряду или обычаю', *молить* кашу 'варить молочную кашу впервые после новотела', *молить* 'благословлять и есть, с обрядами, первинку, новинку'. Трудности формального и семантического плана преодолеваются при интерпретации этих фактов как свидетельства жертвоприношения. Тогда можно принять во внимание древнеиндийский корень *medha-* 'жертвоприношение', закономерность развития семантики жертвы на основе исходного 'резать', а кроме того, обоснованность формирования вербальных значений, сопровождавших действия благодарения Высшего, архаичное восприятие слова как материальной сущности, что подтверждается семантической реконструкцией лексемы слово. Ю.С. Степанов, исследуя древнюю семантику концептов *слово*, *радость*, *любовь*, объединяет их по признаку «круговорота общения», видит в слове цельную ситуацию, единство говорения и слушания.

Вера в призывающую и созидающую силу слова молитвы, сопровождающейся могучим движением души, сильнейшим напряжением воли, энергетическим порывом, подчеркивается и возвратной формой глагола *молиться*. Необходимость гармонии, согласия и созвучия предполагает духовную настроенность, сосредоточенность, единство бытия и делания. Слово молитвы становится животворным.

Эти филологические мысли находят подтверждение в других научных областях. Например, Н. Герберт на основе теоремы Д. Белла утверждает нелокальность разума; Н.П. Бехтерева говорит об особом молитвенном состоянии мозга, исследует защитные механизмы мозга при эмоциональных реакциях; В.Б. Слезин считает молитву четвертым функциональным состоянием мозга человека, и т.д.

Христианская молитва есть акт веры, свидетельство доверия Богу, осознания единства с Высшим, чувства сопричастности, состояния целостности.

Наиболее распространенными формами молитвы являются прошение (просить что-либо для себя), ходатайство, или заступничество (просить для других), также существуют молитва-исповедь как покаяние в неблагоприятных делах, молитва-поклонение как призыв к Всемогущему, молитва-благодарение как выражение истинной любви. Но, как правило, наиболее распространенные молитвы синкретичны.

В качестве выборки для анализа были рассмотрены наиболее известные молитвы Господу, среди них – молитва Господня «Отче наш», молитва оптинских старцев; молитвы Богородице, из которых, отдавая дань юбилею Н.В. Гоголя, была проанализирована молитва «К Тебе, о Матерь Пресвятая!», известная как стихотворная молитва Н.В. Гоголя; молитвы святым, представленные молитвой Сергию Радонежскому.

Текст молитвы Господней «Отче наш» не приводится в силу общеизвестности.

Авторство стихотворной молитвы «К Тебе, о Матерь Пресвятая!» приписывается Н.В. Гоголю:

К Тебе, о Матерь Пресвятая! / Дерзаю вознести мой глас, / Лице слезами омывая /
Услышь меня в сей скорбный час, / Приими теплейшие моления, / Мой дух от бед и зол
избавь, / Пролей мне в сердце умиление, / На путь спасения наставь. / Да буду чужд своей я
воли, / Готов для Бога все терпеть. / Будь мне покровом в горькой доле – / Не дай в печали
умереть. / Ты всех прибежище несчастных, / За всех молитвенница нас! / О, защити, когда
ужасный / Услышу судный Божий глас, / Когда закроет вечность время, / Глас трубный
мертвых воскресит, / И книга совести все бремя / Грехов моих изобличит. / Стена Ты верным
и ограда! / К Тебе молюся всей душой: / Спаси меня, моя отрада, / Умилосердись надо мной!

Молитва Преподобному Сергию Радонежскому, великому угоднику Божию:

О, священная главо, преподобие и богоносне отче наш Сергие, молитвою твоєю, и
верою и любовью, яже к Богу, и чистотою сердца, еще на земли во обитель Пресвятая
Троицы душу твою устроивый, и ангельскаго общения и Пресвятая Богородицы посещения
сподобивыйся, и дар чудодейственных благодати приемый, по отшествии же твоём от
земных наипаче к Богу приближивыйся и небесныя силы приобщивыйся, но и от нас духом
любве твоея не отступивый, и честныя твоя мощи, яко сосуд благодати полный и
преизливающийся, нам оставивши! Велие имея дерзновение ко Всемилостивому Владыце,
моли спасти рабы Его, сущей в тебе благодати Его верующия и к тебе с любовью
притекающия. Испроси нам от Великодаровитаго Бога нашего всякий дар, всем и коемуждо
благопотребен: веры непорочны соблюдение, градов наших утверждение, мира умирение, от
глада и пагубы избавление, от нашествия иноплемнных сохранение, скорбящим утешение,
недугующим исцеление, падшим возставление, заблуждающим на путь истины и спасения
возвращение, подвизающимся укрепление, благоделающим в делах благих преспеяние и
благословение, младенцем воспитание, юным наставление, неведущим вразумление, сиротам
и вдовицам заступление, отходящим от сего временнаго жития к вечному благое уготовление
и напутствие, отшедшим блаженное упокоение, и вся ны споспешествующими твоими
молитвами сподоби в день Страшнаго Суда шуия части избавитися, десныя же страны
общники быти и блаженный оный глас Владыки Христа услышати: «Приидите,
благословеннии Отца Моего, наследуйте уготованное вам Царствие от сложения мира».
Аминь.

Молитва оптинских старцев, созданная в двадцатых годах XX века:

Господи, дай мне с душевным спокойствием встретить все, что даст мне сей день.
Господи, дай мне вполне предаться воле Твоей святой. Господи, на всякий час сего дня во
всем наставь и поддержи меня. Господи, открой мне волю Твою для меня и окружающих
меня. Господи, какие бы я ни получил известия в течение дня, дай мне принять их с
покойной душой и твердым убеждением, что на все святая воля Твоя. Господи, Великий,
Милосердный, во всех моих делах и словах руководи моими мыслями и чувствами, во всех
непредвиденных обстоятельствах не дай мне забыть, что все ниспослано Тобой. Господи, дай
мне разумно действовать с каждым из ближних моих, никого не огорчая и никого не смущая.
Господи, дай мне силу перенести утомления сего дня и все события в течение его. Руководи
моею волею и научи молиться и любить всех нелицемерно. Аминь.

Применение принципа золотого сечения к тексту приведенных молитв позволяет
сделать следующие осторожные выводы. В тексте молитвы «Отче наш» ключевым словом
оказывается *остави*, в русском переводе – *прости*. Христианское понимание прощения как
состояния освобождения от греха соотносится с генетической семантикой соответствующих

лексем. До XX века *простить* означало 'освободить от страданий, болезни, исцелить'. Мы просим о прощении, прощаем должникам нашим, тем самым освобождаемся от негативного, делаем шаг на пути собственного здоровья, исцеляя тело и освобождая душу, то есть соответственно глубинной семантике корня – *выпрямляемся*.

В молитве Н.В. Гоголя, обращенной к Богородице, точкой золотого сечения является слово *молитвенница*, что определяет роль Богородицы как Всеблагой Заступницы и Защитницы. Молитва Святому Сергию Радонежскому имеет средоточием слово *утешение*. В нем ищет человек духовной помощи. Направленная Господу молитва оптинских старцев сосредоточена на *непредвиденных обстоятельствах*, может быть, поэтому она из новых молитв получила наибольшее распространение во дни сомнений и поиска высшей помощи при невозможности контролировать возникшие обстоятельства.

Не претендуя на новизну подхода, авторы считают небесполезным проведенное исследование и надеются, что в дальнейшем применение математических методов к животворящему слову поможет понять суть гармонии молитвенного текста.

В. А. Одиноченко (Беларусь)

ПРОГРАММА РЕЛИГИОЗНОГО ПРЕОБРАЗОВАНИЯ ЖИЗНИ У Н.В. ГОГОЛЯ

Любые юбилеи – вехи прежде всего в нашей истории. Отмечая то или иное событие, мы соотносим себя с ним. Тем самым оно становится для нас актуальным (от позднелат. *actualis* – действенный), мы оцениваем его в свете тех проблем, которые имеем сейчас. 200-летие со дня рождения Н.В. Гоголя дает возможность заново посмотреть на его творчество, в том числе и как религиозного мыслителя, предложившего программу преобразования жизни русского общества на религиозных началах.

Существует богатая традиция изучения наследия Гоголя в XIX – начале XX века. О нем писали такие разные люди, как В.Г.Белинский, Н.Г.Чернышевский, Ф.М.Достоевский, В.В.Розанов, Н.А.Бердяев. Но все они, в принципе, принадлежали к тому же, что и Гоголь, этапу развития русской религиозной мысли. Для нас же, имеющих опыт XX века, характерен разрыв с традицией, и именно в осознании этого разрыва заключается возможность восстановления связи. Через осмысление дистанции мы познаем специфику творчества писателя, а также соотношение его идей с нынешними проблемами. Наша ситуация – это один из видов ситуации «пост». Мы находимся на постсоветском этапе истории – с незначительными модификациями используются схемы поведения 30-20-летней давности, но при утрате их жизненной силы. В области восприятия религии в целом сохраняется то же положение, которое существовало при Советской власти, – происходит воспроизведение традиционной религиозности (по сути своей языческой) и стремление подчинить религиозные организации интересам государства. При этом у подавляющей части нашего общества почти полностью отсутствует понимание того, что такое христианство и как оно соотносится с жизнью. И в этой обстановке интересно то, как видел Гоголь преобразование жизни русского общества на христианских началах.

Безусловно, Гоголь – гениальный писатель. Про особенность своего дара он писал сам: «Обо мне много толковали, разбирая кое-какие мои стороны, но главного существа моего не определили. Его слышал один только Пушкин. Он мне говорил всегда, что еще ни у одного писателя не было этого дара выставлять так ярко пошлость жизни, уметь очертить в такой силе пошлость пошлого человека... Вот мое главное свойство, одному мне принадлежащее, и которого, точно, нет у других писателей» [1, с.246]. В других словах и в другом аспекте это же качество отметил Бердяев: «У Гоголя было совершенно исключительное по силе чувство зла» [2, с. 253].

Писателю удавались именно те образы, которые обычно определяются как отрицательные. Они обладают в произведениях Гоголя необычайной сочностью и колоритом. Однако это не было следствием жизнерадостности или насмешливого отношения